

4. Автор панегирика Ростиславу пишет о том, что этот князь сделал достойного похвалы и памяти истории. Это — учреждение епископии в Смоленске по повелению бога и богородицы и по благословению его отца, упомянутого Мстислава. Здесь содержится очень выразительный, строгий в своей прагматической простоте и в то же время несущий немало ценной информации рассказ об обстоятельствах этого акта. Ростислав, впервые пришедший княжить в Смоленск, узнал к своему неудовольствию, что главная церковь его княжества подчинена Переяславской епископии («и негодова»). Князь решил исправить положение. Собрав совет своих бояр и горожан («людей»), он решил превратить городскую церковь в кафедральную церковь новой Смоленской епископии, «поставил» в ней епископа, выделил часть доходов от всей подвластной ему территории («уял часть от всея области своея») и дал их как этой церкви, так и епископу. Всем этим Ростислав способствовал большему приобщению к свету христианства своих подданных. За эти благочестивые дела, показавшие его достойным христианином, Ростислав получил киевский великокняжеский стол и заслужил вечное спасение. Похвала включает упомянутое выше сообщение о смерти князя 14 марта и завершается призывом к его современникам и наследникам последовать примеру князя, а также провозглашением ему вечной памяти, а его современникам — долгих лет жизни.

5. Интересующее нас произведение по своему типу является некрологической, или посмертной, похвалой князю. В древнерусской литературе можно выделить два вида таких кратких похвал.

Один вид — это летописная похвала, представляющая обычно часть летописного рассказа о последних днях и смерти того или иного политического деятеля. Много таких похвал находится в составе Повести временных лет, Ипатьевской¹⁰ и Лаврентьевской летописей.¹¹ Известны летописные похвалы XIII в. и церковным деятелям — епископам.¹²

Второй вид краткой похвалы, известной в древнерусской литературе, — это «памяти», или «синаксари», древнерусским святым в Прологе. В раннюю редакцию древнерусского Пролога, сохранившуюся в списках XIII—XIV вв. и более позднего времени, включены наряду с памятниками византийских и южнославянских святых также памяти киевских и черниговских князей: Бориса и Глеба (5 сентября), княгини Ольги (11 июля), князя Мстислава, отца Ростислава (15 апреля), Михаила Черниговского (23 сентября).

Между проложными памятниками святых-князей, почитаемых церковью, и посмертными похвалами князьям в летописях существует определенное сходство. Можно говорить о существовании древнерусского жанра княжеской похвалы, имеющего свое особое назначение и свою особую тему, характеризующегося определенным своеобразием приемов изображения героя. Летописные похвалы и проложные памяти древнерусских князей внутри этого жанра составят, очевидно, своеобразные поджанры, отличающиеся особенностями их назначения. Однако жанровое сходство этих двух видов литературных памятников выражалось, очевидно, и в функциональном их сходстве.¹³

¹⁰ Ипат., стлб. 289, 303, 550—551, 610—611, 617, 703—706, 715—716 (под 1201 г.), 920—927.

¹¹ Лавр., стлб. 293, 295, 367—371, 436—437, 442—443, 466—467.

¹² В Лаврентьевской летописи есть посмертная похвала епископу ростовскому Пахомию (Лавр., стлб. 439).

¹³ Д. С. Лихачев обращает особое внимание на «служебный характер» жанров в древнерусской литературе: «в русской средневековой литературе ... жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев, Система лите-